

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Валиса в Подземелье

Сказ о том, как доблестный прапорщик Валентин Леопольдович Савушкин за три моря канализационных провалился, кого видывал, каких чудес нагляделся и какие обрел немислимые приключения.

Примечание. «В тексте встречаются утверждения способные привести к разрыву всяческих шаблонов, шутки ниже пояса и полное отсутствие толерантности». (с)

Ни шатко ни валко двигался в гору времени 1999. Октябрь уже устойчиво вступил в свои права, к утру землю схватывали первые морозцы, доживающую свой недолгий век листву на деревьях, пожухлую и сморщенную, срывал налетавший внезапно шквальный ветер. Земля притихла, остывая, в ожидании белого покрова.

Небольшой — всего десяток панельных пятиэтажек да разбросанные вокруг хибары частного сектора — сибирский военный городок со странным названием Междуречье, хоть до рек пешком было не дойти, был придатком еще недавно страшно секретной ракетной части, затерянной среди таежных холмов. Сейчас, в связи с упадком, разбродом и шатанием в стране в целом и в армии в частности, самым ценным на территории данной воинской части остались лишь пять-шесть фанерных муляжей секретных ракетных установок да три надувных танка на строгом подотчете у завскладом прапорщика Валентина Леопольдовича Савушкина, отдавшего любимому делу большую половину своей жизни.

Валентин Леопольдович Савушкин чаще за глаза, а и иной раз и в прямую, имел погоняло Валиса. Давняя это история была. Как-то на бурной вечеринке кто-то заплетающимся языком попытался велеречиво его полным именем огладить, а получилось лишь «вал-лииии-са», да так оно и прилепилось. «К Валисе на склад сходи, говорят, вчера из области привез» или «Валису позвать надо, куды ж мы без него, полезный человек во всех смыслах».

А учитывая, что прапорщик сложение имел сублильное, хотя в молодости был явно недурён собой, лик ухоженный, чисто выбритый, глаза голубые и умные, прозвище это ему вполне подходило.

Лихие 90-е Валиса худо-бедно пережил, склад оно ведь как недра земные, то одно сыщется, то другое. Так и перекапывался. Но тяжелые времена не кончались, а длились и длились. И что далее делать? Не танк же надувной загонять, да и кому он на хрен сегодня сдался, разве только новых русских за Уралом найти, но они далеко, за день не управишься. Вот с такими невеселыми мыслями двигал Валиса домой после службы, прижимая к груди портфель с тремя банками тушенки. Жена, ух, грозна была, с порога ежели дуло ничем не залепишь, три дня огребаться будешь, запилит вусмерть.

Дорожно-ремонтные работы на родной улице прапорщика Савушкина с громким названием «Имени 5-й Армии» велись ещё с мая месяца, да все никак довестись не могли. Кто их вообще затеял, и на кой черт они кому-то сдались, но раскопать-то раскопали, да видно закапывать уже средств не хватило. Так и стояли курганы, вывороченные на обочины.

Бредя задумчиво среди курганов, Савушкин вдруг понял, что уже никуда не идет, точнее, двигаться-то он не перестал, да ток ноги опоры уже не находили, а тело двигалось само по себе. Крепче прижав портфель с тушенкой, Валиса напряг мозг и попытался оценить обстановку. Так и есть, он падал, но падал странно долго и как-то замедленно. «Вот ссуки, люк чё ль не закрыли, ремонтники грёбаные», — привычный лексикон охладил панику и

направил мысли на решение поставленной задачи.

Долго ли, коротко ли летел наш герой сквозь мглу непроглядную, то нам неизвестно, да только всему конец приходит или конец ко всему, это уж как оно повезет. Валисе, кажись, повезло. Полет его странно замедлился, и в лицо ударил смрад и жуткий запах, будто табун лошадей, разом подняв хвосты, выложили кучи аппетитно дымящихся плюх. Ноги вдруг почуяли опору, коснувшись твердой поверхности. Завалиться на бок не дал портфель, странным образом став противовесом. Савушкин и вдохнул бы полной грудью, но смрад стоял такой, что можно было только выдыхать. «А где наша не пропадала, пропадет и здесь», — оптимистично подбодрил себя Валиса и двинулся искать выход.

Обернувшись на четыре стороны, Валиса в одной углядел просвет: «Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога», — билось в голове. А раз билось, знать, еще проживем. И Савушкин бодрым, почти строевым шагом двинул на просвет. Смрад постепенно рассеивался, точнее, оставался позади, а впереди добавляя лучик надежды, мелькнула человеческая фигура. Окрыленный Валиса прибавил шагу и чуть не ткнулся носом в странное подобие человека. «Негр, как пить дать, негр», — взорвался мозг бывалого прапора.

Пред ним стоял черный кудрявый человечище в спецовке с тремя железными короткими трубами под мышкой и говорил: «Ей, мил человек, а подай сто рублей, похмелиться, а то трубы горят», — при этих словах трубы и прямо вспыхнули каким-то красноватым отблеском. — Нет у меня ста рублей, как на духу говорю. Зарплату, суки, опять задерживают, через недельку, мож, будут. А ты, мил человек, уж не негр ли? А то у нас, в Сибири, таких отродясь не было?

— Не, не негр, я тут трубы кладу, давно кладу, а похмелиться никто не дает. Тут вообще давно никого не было. Ты-то сюда как?

— Да, будто в люк провалился.

— А, тогда тебе на север надо, там таких много уже собралось.

— А север-то где?

— Дык, я б знал, сам пошел.

— Ну и хрен на тебя, идти-то куда?

— И тебе отсосать, не кланяясь, я почем знаю?

И человечище с трубами медленно двинулся в темноту. Савушкин почесал в затылке, мысленно, на реальном форменная шапка была надета. И вдруг мысль подумал: «Ежели север есть, знать, здесь вам не там». Обернулся снова на четыре стороны: «Эй, суки, я вам дисциплину хулиганить не позволял, а ну, хде тут север?» — аж ногой притопнул и, зажав заветный портфель покрепче, двинул, куда глаза глядят.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Шаггал наш герой незадачливый по странной световой дорожке. Пейзажи рассмотреть не получалось, в связи отсутствия оных, а выход найти было делом офицерской чести. Цель появилась внезапно, «готовсь-пли» уже было рано. У Савушкина в зобу дыханье сперло. Вот! Вот оно — север, точно, север и есть. За пять-шесть метров впереди он углядел шоссе. Не то, что наверху шоссе называют, другое. Широкая дорога, а по ней — самая натуральная движуха. Ехали возы и телеги, тянулся в обе стороны разношерстный люд: мужики, козлы, бродяги, нищелюды, калики перехожие, проходимцы всех мастей, падшие женщины, гастарбайтеры, греки, китайцы и прочая шлобеня.

Рванул Валиса в спасительный поток, а не тут-то было. Распластался по стене прозрачной, да

крепкой. Сколь кулаками не молотил, сколь плечом не давил, сколь глотку не драл, даже в сердцах портфель заветный швырнул с тушенкой вместе, не поддалась стена, не двинулась. Видит око, да зуб неймёт. Расстроился прапор наш героический, свернулся клубком у стены прозрачной, да и уснул, жалостно так всхлипывая во сне.

Проснулся от странных ощущений. Будто все на месте, но только сверху, даже портфель, вот он, под мышкой, а снизу чего-то не хватает. Скосил взгляд, мать вашу ети, штаны-то спущены и елду руки гладят. Нежно так гладят, ласково. Аж яйца подтянулись и сжались в комочек. Сел, посмотрел. А пред ним мышь стоит на задних лапках, а передними его, Савушкина, елду гладит. Вскочил Валиса, штаны натягивает, на мышь шипит. А мышь перед ним приплясывает, будто зовет куда. И вдруг разобрал Валиса слова человеческие в писке мышинном:

— За мной, за мной, на выкоёбину, за мной, за мной, на выкоёбину…

— Что за выкоёбина?

— Место, где волки ебутся, то есть очень далеко. За мной, за мной…

Далеко так далеко, глядишь, и север заветный там отыщется. Натянул штаны наш герой, хоть и не без труда, но елду упихал, и двинул вслед за мышью. Долго ли, коротко ли, днем ли ясным, ночью ли темной, в подземелье все едино, а только трусила мышь впереди, а Валиса шаг под неё подстраивал, опасался только, хвост бы не прижать, да мышь юркая оказалась. Шмыгнула мышь в последний раз, только

её и видели. А пред глазами Валисы чертоги открылись, светлые да высокие. Стол посредине, лавки ладные, да поляна накрыта, как в старые добрые времена советские, когда ни в чём отказу не было войску доблестному, а тем более завскладу в секретной ракетной части.

Сидят за столом девы дивные, одна краше другой. эротические рассказы В тогах белых, одна грудь на голе, вторая чуть прикрыта. А та, что во главе стола, и вовсе не прячется. «Матушку твою, Рассею, да где ж это видано, чтоб бабы так себя на показ выставляли? Моя Марфа Феоклистовна до свадьбы ни-ни. Да и после только под одеялом и без света!» — взорвался мозг Валисы, как есть взорвался.

Встает Главная и речь ведет задушевную, а по глазам видно, что сука прожжённая.

— Скажи, друже, что тебя сюда привело?

— Мышь меня привела, сказала волки ебутся тут, только мне этого не надо, мне б домой как-нибудь, негр сказал, на север надо, а где север, где юг, хэзэ…

— Отведём мы тебя домой, только условие выполни — откушай с нами, чем Бог послал и совокупись. С одной, двумя, тремя ли. Там как честь твоя позволит и силёнок хватит. А после и домой мы тебя доставим, на север, так на север.

— Откушать не откажусь, да вот совокупиться… Как же выбрать-то мне среди вас, не силён я в совокуплении, акромья Марфы моей, Феоклистовны, сроду у меня бабы не было.

— А мы поможем тебе, считалочкой выберем.

Встала Главная во главе стола и считалку завела странную:

Шалтай-Болтай сидел на стене,

Шалтай-Болтай ебался во сне.

Шалтай-Болтай свалился во вне.

И вдруг понял Шалтай,

И вдруг понял Болтай,

Что ебаться во сне,

Это хуже, чем спать на стене.

Выпало на деву ладную, статную, молодую. Грива рыжая, что огонь печной, глаза зеленою сверкают, грудь дыбом стоит, ноги от ушей и рот, хоть завязочки пришей. Зашевелилась голова Савушкина, да не та голова, что мысли думает, а та, что покою иной раз по утрам не дает. Давно не чувствовал такого внутри себя Валиса, ой, давно. С Марфой-то родной, чё, детей уже отражали, на ноги поставили. Редко она к телу допускала, ой, редко. А на складе баб-то отродясь не водилось. Чай, воинская часть, одни мужики кругом, а он не такой, нет, не такой. Он честный. Так утешал себя сам Савушкин, добрый прапорщик почившей давно советской армии.

Отвели их в покои. Балдахины вокруг, веера развешаны, прям восточный гарем, не меньше. Валиса такое только в кино видел. Наяву не приходилось. А дева его сдернула тогу с плеч, осталась в одних манистах на руках и ногах, да и бахнулась на кровать, ноги раздвинув. И увидел Савушкин диво-дивное — пизду раскрытую, прям глаза слепящую.

Ай, какая пизда была, ай, какая розочка. Какая, хрен, розочка, — орхидея! Один раз к ним в городок завезли сей диковинный цветок в цветочный магазин. Когда Савушкин впервые его увидел, аккурат перед 8 Марта, диву дался — ну пизда и пизда. Два лепестка сдвоенных наружу, два внутри, прям, как у Марфы Феоклиставны, пока на себе не женила.

А тут орхидея живая, соками исходящая, пред светлыми очами у него под носом. Припал Савушкин к цветку этому заморскому губами, всасывая соки жадно, захлебываясь, припал, да и забыл все на свете. Такой аромат исходил от цветка того, что в зобу дыхание спирало, а вкус был как генеральский коньяк на 23 февраля в узком кругу самых доверенных. Не посрамил Рассею-матушку и армию ее доблестную наш вояка-прапорщик, даром, что завскладом всего лишь состоял. Отодрал он деву ту по самые уши. Ух, и старался, ух, жарил по самое горло. Все соки свои отдал, всего себя выжал. А когда в сознание пришел, уже за столом сидел, хлеб-соль кушал, икоркой черною да красной заедая.

— Доволен ли ты, ратник? — спросила Главная, когда Савушкин себя осознавать начал.

— Доволен, матушка, так бы и остался тут, у вас, на веки вечные.

— А это уж хрен тебе. Ты нам ни Богу свечка, ни черту кочерга. Сделал дело, гуляй смело. Домой мы тебя доставим. А вдругорядь замыслишь к нам попасть, прыгай еще раз в колодец, да только не промахнись. К нам не ото всюду доступ есть. А теперь иди с миром.

Из колодца канализационного достали Валентина Леопольдовича Савушкина только под утро. Спасибо жене, генеральша ещё та, всех на уши подняла и милицию местную, и командование части. Даже собак задействовали. Нашли горемыку. Замерзнуть теплотрасса не дала, переломов не обнаружили, синяками да ссадинами отделался, хоть без сознания ночь пролежал на дне колодца не такого уж и бездонного. Даже портфель под ним нашли с тушенкой заветною. А что с ним приключилось да произошло, про то Валиса рассказывал только шёпотом, и только в узком кругу.

Зато ремонтные работы на улице «Имени 5-й Армии» свернули как-то подозрительно быстро, за две недели разравняли грейдером все курганы, колодцы закрыли и асфальтом закатали. Это ничего, что асфальт у нас водорастворимый. Снег сойдет, асфальт растает.

А сказу этому, хошь, верь, хошь, не верь. Не всё ложь, что в сказке сказывается, да не всё правда, что в жизни делается.

Октябрь, 1999, Рассея-матушка.